

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ЕРМОШИН Федор Андреевич

АВТОР И ЧИТАТЕЛЬ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 70-Х ГГ. XIX В.

Специальность 10.01.01. – русская литература

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА – 2009

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Михаил Сергеевич Макеев

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Людмила Ивановна Сараскина
Государственный институт искусствознания,

кандидат филологических наук, доцент
Майя Александровна Кучерская
Государственный университет – Высшая школа экономики

Ведущая организация: Московский городской педагогический университет

Защита состоится «   » декабря 2009 г. в __ часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.26 при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

Адрес: 119991, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан «__» _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

А.Б. Креницын

Общая характеристика работы

Предмет исследования. Диссертация посвящена проблеме автора и читателя в публицистике Ф.М. Достоевского 70-х гг. XIX в.

Актуальность исследования определяется большим вниманием социологов и историков литературы к рецептивной стороне художественного и публицистического текста, обострившимся в последние десятилетия. В то же время, проблема взаимодействия автора и читателя в публицистике Достоевского, на наш взгляд, до сих пор остается не изученной систематически.

Известно, что все завершённые произведения Достоевского, написанные после каторги и ссылки, создавались только в расчете на быструю публикацию. Писатель не считал возможным работать «в стол». Достоевский как литератор-профессионал¹ всегда был нацелен на диалог с аудиторией, на сокращение дистанции с адресатом, ему было свойственно стремление максимально ускорить выход текста в свет. Тем более эта авторская интенция характерна для его публицистики. В частности, отсюда «симбиотический» жанр «публичного дневника», явленный в «Дневнике писателя» (далее – «ДП» или «Дневник»², годы издания – 1873; 1876-1877; 1880; 1881).

Именно исследование публицистики Достоевского способно приблизить нас к пониманию рецептивного аспекта его творчества, поскольку здесь приемы воздействия на аудиторию выражены наиболее прямо, в концентрированной форме. Однако «Дневник», равно как и сопутствующие ему тексты, в которых Достоевский сумел создать особую коммуникативную ситуацию «беседы» и «сотрудничества» с читателем-реципиентом, до сих пор не подвергались в этом плане целостному, концептуальному анализу.

¹ См. об этом: *Тодд, Уильям М. III.* «Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятие, критика» // Новое литературное обозрение. – №58. – 2002.

² «Дневник писателя» в 1873 г. публиковался в качестве еженедельной колонки главного редактора в газете «Гражданин» Затем Достоевский принял решение издавать «Дневник» как самостоятельный журнал (1876 г.).

Стоит оговориться, что различные стороны проблемы читателя в творческом сознании Достоевского (в т.ч. применительно к «Дневнику»), а также восприятие текстов писателя современной ему аудиторией не раз становились предметом научного интереса. В частности, накоплен довольно большой массив публикаций читательской почты «Дневника»³. Существуют работы по проблемам общих установок Достоевского по отношению к читателю, специфических для его художественного творчества (С. Беленеску, К.Г. Исупов, Р.Г. Назиров и др.⁴), есть исследования, касающиеся важности литературного «успеха» в творческом сознании Достоевского (В.В. Сдобнов⁵). Кроме того, можно указать труды, посвященные тому, как в «Дневнике» моделируется структура и образ автора в соответствии с целью достичь особого контакта с аудиторией (П.Фокин⁶, В. Щурова⁷).

Тем не менее, обычно исследователи исходят из достаточно узкого понимания рецептивной стороны художественного текста, что ведет к игнорированию ими ряда факторов, определяющих сложное взаимодействие автора и читателя в «Дневнике». Мы считаем, что все основополагающие структурные элементы журнала Достоевского нацелены на достижение максимального коммуникативного эффекта. Это касается не только прямых обращений к аудитории, но и множества принципиальных творческих

---

3 Перечислим лишь некоторые публикации по этой теме: *Ансберг О.Н.* К истории восприятия творчества Ф.М. Достоевского студенческой молодежью 1880-х гг. // *Книжное дело в России во второй половине XIX – нач. XX вв.* Вып. 5. СПб., 1990. С. 33-40; *Архипова А.В.* Достоевский в работе над «Дневником писателя»: (Из истории взаимоотношений Достоевского с читателями) // *Достоевский: материалы и исследования.* Вып. 13. СПб., 1996. С. 213-216; *Вассена Р.* «Вы не можете не сочувствовать нам, бедным студентам...» (Письма студентов к Достоевскому) // *Достоевский: материалы и исследования.* Вып. 17. СПб., 2005. С. 325-345; *Ипатов С.А.* [Подгот. текста и комм.]. Из женского «эпистолярного цикла» архива Достоевского (А.О. Ишимова, О.А. Новикова, М.А. Поливанова) // *Достоевский: материалы и исследования.* Вып. 13. СПб., 1996. С. 247-276.

4 См., напр.: *Беленеску С.* Образ читателя в творчестве Достоевского // *Достоевский: материалы и исследования.* Вып. 13. СПб., 1996. С. 216-221; *Исупов К.Г.* Автор и читатель в текстах Достоевского // *Достоевский: материалы и исследования.* Вып. 16. СПб., 2001. С. 3-22; *Назиров Р.Г.* Проблема читателя в творческом сознании Достоевского // *Творческий процесс и художественное восприятие.* Л., 1978. С. 223-228.

5 *Сдобнов В.В.* Об «эффектной идее» у Ф.М. Достоевского // *Литературное произведение и читательское восприятие:* Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1982. С. 59-70.

6 *Волгин И.* Достоевский-журналист. М., 1982; *Фокин П.Е.* Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876-1877 гг. Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.

7 *Щурова В.В.* «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского как специфическая форма выражения авторской позиции // *Журналистика – Реклама – Связи с общественностью:* тезисы науч.-практ. конф. Воронеж, 2000. С. 109-110.

установок, которые писатель реализует имплицитно. Подобная специфика «Дневника» практически не учитывалась предыдущими исследователями.

К примеру, И. Волгин в своих работах блестяще разбирает многие частные «сюжеты» взаимодействия Достоевского с читательской аудиторией, в том числе, в плане идеологии. Однако, сообщая, что «ни один его роман не вызывал такого потока корреспонденции, никогда ещё живая связь с аудиторией не осязалась писателем столь остро и непосредственно»⁸, как в период издания «Дневника», исследователь не ставит вопрос о *целостном комплексе речевых стратегий*⁹ в «Дневнике», направленных на то, чтобы такой результат был достигнут.

Г.С. Морсон, который также довольно подробно рассматривает проблему читателя в журнале Достоевского, делает это опосредованно, исходя из специфических исследовательских пресуппозиций (выявить в этом тексте соотношение жанров «утопии» и «антиутопии»)¹⁰.

В определенных отношениях продуктивной представляется попытка описания стратегий речевого поведения в «Дневнике», предпринятая О.В. Коротковой¹¹. Здесь большое внимание уделено лингвистическому анализу текста, но не ставится задачи комплексного описания взаимодействия *автора и читателя* в связи с теми или иными стратегиями. Для нас принципиально важно показать, как приемы воздействия на аудиторию, использованные Достоевским, создали в журнале особый феномен апелляции к различным идеологическим группам читателей, сделали его универсально интересным и актуальным изданием для каждой из них.

Очевидно, что исследование, подобное нашему, является назревшим и

---

8 Волгин И. Письма читателей к Ф.М. Достоевскому // Вопр. лит. - 1971. - № 9. С. 173.

9 В качестве рабочего определения «речевой стратегии» мы пользуемся формулировкой, предложенной О.И. Иссерс: «В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» (*Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. С. 54*).

10 Morson, G. S. The boundaries of genre: Dostoevsky's "Diary of a Writer" and the traditions of literary Utopia. Austin, 1981.

11 Короткова О.В. Стратегии речевого поведения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2000.

необходимым, поскольку принципы диалога с читателем, которым следовал автор «Дневника» (ср. с установкой Достоевского на «диалогизм» в терминологии М.М. Бахтина), как и реальная читательская реакция на них, до сих пор не были предметом полномасштабного концептуального анализа. В этом и заключается **научная новизна настоящей работы**.

Мы ставим **целью** создать максимально полную картину взаимодействия автора и читателя в «Дневнике» и сопутствующих ему текстах. В соответствии с целью ставятся **задачи**:

1) Определить комплекс речевых стратегий и тактик, используемых в «ДП» и других публицистических текстах Достоевского 70-х гг. XIX в., направленных на достижение того или иного «эффекта» воздействия на аудиторию. Имеющийся материал позволяет обозначить эти стратегии и тактики как устойчивые и создать их системное описание;

2) Продемонстрировать, каким образом приемы воздействия на аудиторию, использованные в «Дневнике», в ряде случаев создавали иллюзию взаимопроникновения «текста» и «контекста» – особой коммуникативной ситуации доверительной «беседы», «сотрудничества» и «взаимовлияния» автора и аудитории, что отмечалось как самим Достоевским, так и многими читателями «Дневника»;

3) Дать классификацию и подробную характеристику различных вариантов образа читателя в журнале Достоевского;

4) Рассмотреть принципы литературной игры автора с читателем, построенной на постоянной смене их *статусов* и *точек зрения*, в журнале Достоевского. Мы попытаемся выявить и описать три типа параметризации автора и читателя, универсальных для публицистики Достоевского (повествующее лицо «Дневника» определяется нами в различных контекстах как речевая инстанция, находящаяся «ниже», «наравне» и «выше» читателя по статусу);

5) По-новому поставить проблему соотношения «монологизма» и «диалогизма» в поэтике «Дневника», включив в рассмотрение рецептивный

аспект журнала, приняв во внимание творческую установку Достоевского на тотальную «диалогизацию» отношений с аудиторией;

5) По возможности, описать механизмы восприятия образа автора и степень успешности использованных им стратегий с точки зрения реального читателя-реципиента изучаемой эпохи.

Принцип отбора материала. Мы выбрали для исследования период 70-х гг. XIX в. – этап «зрелого» творчества Достоевского. В это время творческий метод автора «Дневника», нацеленный на достижение максимального читательского отклика, уже сформировался. Тем более наглядными представляются публицистические принципы привлечения внимания читателя и учета его мнения, которые использовал Достоевский. Именно выделенный нами хронологический отрезок дает достаточный материал для решения поставленной цели.

Важным принципом анализа для нас стало выявление тех или иных контекстов особой значимости, «узловых точек», где контакт автора и читателя предстает особенно наглядным.

Материалом исследования стал «Дневник», ключевое публицистическое произведение писателя данного периода, а также отдельные статьи Достоевского 70-х гг., опубликованные в газете «Гражданин», очерк «В дороге. Маленькие картинки» (1874) и пр. В рамках нашего исследования мы *не* рассматриваем специально «Пушкинскую речь» (1880), которая формально входит в «Дневник», но заслуживает особого анализа как «устная» и одновременно «письменная» форма со сложной историей бытования и рецепции.

В настоящей работе также использованы материалы переписки современников Достоевского, их воспоминания, отзывы о публицистических текстах писателя, а также высказывания читателей о тех или иных аспектах образа её автора.

Рецептивный аспект изучения художественного текста (а в «Дневнике», на наш взгляд, воплощен особый тип художественности) – многоплановая

проблема, требующая соответствующей **теоретической базы исследования**.

Методологической основой диссертации послужили подходы, разрабатываемые различными научными школами, изучающими проблему автора и читателя в тексте вообще, и в творчестве Достоевского в частности.

Мы постарались учесть:

1) традицию изучения теоретических проблем взаимодействия автора и читателя, автора и адресата (*Н.Ф. Арутюнова, В. Изер, В.Б. Катаев, А. Лилов, М. Науман, Х. Редекер, Д. Шленштедт, М.Б. Храпченко, У. Эко, Х.-Р. Яусс* и др.);

2) традицию изучения социологии литературы (*Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, А.И. Рейтблат* и др.);

3) традицию изучения эстопсихологических основ восприятия (*А.М. Левидов; Н.А. Рубакин* и др.);

4) исследований по взаимодействию автора и читателя в творчестве отдельных писателей (*Н.И. Игнатенко, Г.Н. Ищук, В.В. Прозоров* и др.);

5) историю изучения роли читателя в творчестве Достоевского (*О.Н. Ансберг, А.В. Архипова, С. Беленеску, И.Л. Волгин, С.А. Ипатова, К.Г. Исупов, Г.С. Морсон, Р.Г. Назиров, В.В. Сдобнов* и др.).

Обнаружение коммуникативных стратегий в публицистике Достоевского и одновременное использование, условно говоря, «социологического» подхода к художественному тексту, по нашему замыслу, реализует в работе своего рода «принцип дополнительности». Первый метод направлен на решение задач по выявлению авторских интенций писателя, второй – на то, чтобы показать, в какой мере они были реализованы (т.е. достигнут конкретный «эффект» воздействия, на который автор рассчитывал).

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать материалы, положения и выводы исследования в общих лекционных курсах по истории русской литературы, а также спецкурсах по рецептивному аспекту изучения творчества Ф.М. Достоевского, проблемам литературной и

общественной репутации писателя рассматриваемого периода, проблемам идеологии автора «Дневника» и др.

Апробация работы. По теме диссертации был прочитан доклад на семинаре аспирантского объединения кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (май 2008 г.).

Структура работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, включающей 513 наименований.

За основу была взята не хронология, но проблемность. Рассматриваются различные стороны взаимодействия автора и читателя в «Дневнике», соответственно, все разделы посвящены конкретным примерам этого взаимодействия, случаям реализации речевых стратегий, нацеленных на достижение определенного речевого эффекта.

Исследование текста «Дневника» как художественного целого предопределяет для нас принцип следования самому материалу, обильного использования характерных текстовых цитат. Мы, во-первых, приводим высказывания автора «Дневника», объемно иллюстрирующие то или иное положение, сопоставляем и анализируем их, а во-вторых, как правило, исследуем «ответные реплики» читателей на публицистические выступления Достоевского, что призвано продемонстрировать тот или иной «эффект» (или его отсутствие) как результат успеха (или неудачи) данной коммуникативной стратегии.

Основное содержание работы

Во **Введении** мы попытались охарактеризовать специфику материала «Дневника» в связи с целями нашей работы. Намечаются основные проблемы, с которыми, на наш взгляд, неизбежно сталкивается

исследователь, изучающий рецептивный аспект журнала Достоевского, в т.ч. соотношение публицистичности и художественности, монологизма и диалогизма в речи автора, особой формы бытования «дневника» данного типа и др.

Мы полагаем, что учет читательского мнения в «Дневнике» со стороны автора имел под собой коммерческую основу (как интерес к актуальному «спросу»). Но одновременно у журнала была и коммуникативно-социальная сверхзадача. Очевидно, Достоевский в своем «моножурнале» пытался создать своего рода идеальное пространство для общения, удобное для всех идеологических групп современного ему общества.

Это соотносилось с идеей Достоевского о роли писателя как общественного «медиума» в переломную пореформенную эпоху. К примеру, в статье «Обособление» («Дневник» за март 1876 г.) цитируется письмо одного из читателей, который сетует, что «все "сами от себя и сами по себе"» (22, 83)¹². Повествующее лицо «Дневника», вступая в диалог с этим читателем (и таким образом демонстрируя саму возможность диалога), утверждает обратное: **«Напротив, связь эта должна существовать непременно, хотя бы и всё казалось разрозненным и друг друга не понимающим, и проследить эту связь всего бы любопытнее»** (Там же).

Во Введении дан перечень различных подходов к изучению интересующей нас проблематики, сформулированы основные цели и задачи исследования. На наш взгляд, необходимость анализа не только авторских речевых стратегий, но и реальной рецепции «Дневника» современниками обусловлена самой спецификой материала. Методология «теории коммуникации» и «социологический» подход в нашей работе не исключают, а взаимодополняют друг друга.

В первой главе «Типология моделируемых читателей в "ДП" и проблема

---

¹² Тексты Достоевского цит. по изд.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Л., 1972-1990 (далее - ПСС). Вначале следует указание тома, затем страницы. В случае, если цитируется фрагмент из подготовительных материалов или рукописных вариантов к «Дневнику», вначале следует указание «ПМ» или «Варианты». В случае цитирования Комментариев к ПСС вначале следует указание: «Комм.». Выделено жирным везде нами – *Ф.Е.*

соотношения статусов повествующего лица и аудитории» мы впервые предприняли попытку дать целостную классификацию образов читателей, представленных в тексте «Дневника». Здесь применительно к «Дневнику» вводятся новые термины «читатель-оппонент» (реальный и идеальный) и «читатель-реципиент» (реальный и идеальный), – речевые инстанции, представленные в тексте и отличающиеся друг от друга по ряду дистрибутивных признаков.

Читатель-оппонент, в рамках нашей терминологии, может быть реальным и идеальным.

1) Основной особенностью функционирования образа реального читателя-оппонента в тексте «Дневника» является то, что его прототипом всегда становится действительно существующая личность (Г. Градовский, В. Спасович и мн. др.). Автор по-разному выстраивает спор с такого рода читателями-оппонентами. Но основным поводом для такой полемики становится *факт*. Как правило, на правах факта в «Дневнике» выступает возникшая ранее устная или письменная речь (выступление, письмо, критическая заметка о «Дневнике»), автором которой является читатель-оппонент. Его реальная прямая речь, равно как и «возражения», моделируемые самим автором, постоянно воспроизводятся в том или ином споре на страницах «Дневника».

В подобных случаях в журнале осуществляется попытка имитировать устный разговор, представить его в виде последовательности речевых действий двух личностей: «До сих пор я только **препирался** с вами, г-н Градовский, теперь же **хочу вас** и **упрекнуть** за намеренное искажение моей мысли, главного пункта в моей речи» (26, 170) и т.п. Таким образом подчеркивается процессуальность диалога, создается иллюзия соучастия в нем читателя-реципиента (публики) «здесь и сейчас».

2) Идеальный читатель-оппонент – образ потенциального читателя, который так же, как и в предыдущем случае, дает негативную оценку речевым действиям автора. Он является представителем идеологии,

«враждебной» повествующему лицу «Дневника». Но, в отличие от первого случая, этот образ в журнале более «романизирован», иногда выстраивается как «литературный тип»: «...если б я спросил об этом дипломатов... и если б они удостоили меня выслушать, то наверно **ответили бы с высокомерным смехом**, что "*случайностей* предвидеть нельзя и что вся мудрость состоит лишь в том, чтобы ко всяким случайностям быть готовым". **Каково-с!** Нет, я вам скажу: это ответ **типический**, и **хотя я сам его выдумал**, потому что ни одного дипломата не беспокоил вопросами (да и не смею), но весь ужас мой в том, что **я ведь уверен, что мне именно так ответили бы**, а потому я и назвал сей ответ **типическим**» (25, 148).

В приведенном частном примере идеальный читатель-оппонент изображается Достоевским в образе «слушателя», который отвечает на реплики автора. Одновременно автор провоцирует публику на выражение её собственного мнения: «Каково-с!».

3) Реальный читатель-реципиент в «Дневнике» – «публика», неразъединенное целое, которое воспринимает речь автора. Оценка «реального читателя-реципиента» моделируется автором, в основном, как положительная.

При обращении к реальному читателю-оппоненту повествующее лицо «Дневника» постоянно дает знать, что главным адресатом для него является именно аудитория en masse, а тот, с кем он напрямую полемизирует – только формальный адресат: «**Я ко всем и всякому обращаюсь**, а не к одному г-ну Спасовичу» (ПМ, 24, 155). Это проявляется и в случаях, когда автор, споря с реальным читателем-оппонентом, моделирует его предполагаемые реплики:

- Потому что вы ничего не понимаете [*реплика автора*].

- А если не понимаю, как же вы так много говорите со мной [*моделируемая реплика реального читателя-оппонента*].

- Да я и не с вами совсем говорю. Хоть и обращаюсь к вам, а не с вами говорю [*автор учитывает мнение читателя-реципиента*] (ПМ,

24, 185).

4) Наконец, речевая инстанция, которую мы называем идеальный читатель-реципиент, – это собрание разнородных «голосов», выражающих различные тенденции, мнения и идеологии. Они показаны безотносительно к мнению автора «Дневника» (как нечто «объективное»). Позиция таких «голосов» по отношению к автору и его дискурсу, в данном случае, нейтральная, автономная: «"Война! объявлена война", - **воскликали у нас** две недели назад. "Будет ли война?" - **спрашивали** тут же **другие**. "Объявлена, объявлена!" - **отвечали им**. "Да, объявлена, но будет ли?" - **продолжали те спрашивать...** И, право, были такие вопросы, может быть, есть и теперь» (25, 94).

Подведем промежуточные итоги. Два главных типа читателей, читатель-оппонент (1) и читатель-реципиент (2), которые мы выделяем в публицистике Достоевского, различаются по трем бинарным признакам:

а) «персонифицированность», «единичность» (1) – «обобщенность», «множественность» (2);

б) «негативная реакция на речь автора» (1) – «положительная/нейтральная реакция на речь автора» (2);

в) «активное участие в диалоге» (1) – «пассивное участие в диалоге» (2).

Есть ещё один дополнительный признак, который характеризует подтипы «реальный»/ «идеальный» внутри каждого из типов. Мы называем его, вслед за В.Шаманским, большей или меньшей степенью «романизации»¹³. Так, образ «реального читателя-оппонента» («живая личность») обладает в «Дневнике» меньшей степенью романизации, чем образ «идеального читателя-оппонента» («воображаемый» читатель, произносящий «предполагаемую» реплику).

Точно так же «реальный читатель-реципиент» – в частности, совокупность подписчиков журнала – обладает в «Дневнике» меньшей

---

¹³ Шаманский Д.В. Романские элементы в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Мир русского слова. - №2. – 2002. С. 53-60.

степенью романизации, чем образ «идеального читателя-реципиента» (все общество в целом, разделяющееся на многие представленные в «Дневнике» «голоса»).

Также в некоторых случаях нам необходимо разделять «целостный», синкретический образ автора «Дневника» на «идеального автора» (фиктивного рассказчика, или, в терминах нарратологии, наррататора¹⁴) и «реального автора» (нарратора), Ф. Достоевского. Как верно замечает Т. Захарова, парадокс «Дневника» заключается «в пограничности авторского "я". Читатели почувствовали, с одной стороны, прямое вхождение реального жизненного "я" Достоевского, нелитературного, лишенного всяких условностей и снимающего всякие условности и дистанции, и с другой – талантливое художника»¹⁵.

В этом плане необходимо учесть некоторые проблемные случаи такого рода «пограничности», в частности, статью «Приговор» (1876), написанную от лица самоубийцы, но вошедшую в состав «Дневника» как один из множества авторских материалов, что послужило причиной «коммуникативной неудачи» Достоевского в его общении с читателями-современниками.

Далее, в первой главе мы ставим вопрос о соотношении различных «статусов» автора по отношению к читателю в «Дневнике» – «ниже», «наравне» и «выше» последнего. Очень часто эти статусы комбинируются и резко сменяются. Во многом, именно так формируется сложная игра читательских восприятий, составляющая особый «коммуникативный сюжет» «Дневника».

Приведем частный пример. Автор «Дневника» вопрошает: «Такие люди, как автор "Анны Карениной", – суть **учители общества, наши учителя, а мы лишь ученики их. Чему ж они нас учат?**» (25, 223).

Здесь автор «Дневника» формально декларирует и для автора, и для

---

14 См. Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 96.

15 Захарова Т.В. «Дневник писателя» как оригинальное жанровое явление и идейно-художественная целостность // *Творчество Ф.М. Достоевского: искусство синтеза*. Екатеринбург, 1991. С. 255.

читателя общий статус, – более низкий по отношению к другому автору – Л. Толстому, который позиционируется как «учитель». Но «смирение» повествующего лица «Дневника», выстраивание мнимой иерархии «снизу-вверх» по отношению к нему (т.н. «игра на повышение») включает в себя сомнение в компетентности «учителя»: «Чему ж они нас учат?».

В отношениях с читателем автор «Дневника» также балансирует между позицией «учителя» и, в то же время, «ученика» – народа, аудитории, действительности.

Кроме того, в первой главе рассматриваются способы воздействия автора на читателя-реципиента в заголовках «ДП» с точки зрения их «статусов». В той же мере, на наш взгляд, показателен анализ метатекстовых описаний в «Дневнике». Журнал дает достаточный и даже избыточный материал характерных примеров «инициации», «отладки» и «завершения» диалога с читателем.

Анализ «предисловий» и «послесловий» автора, «этапных» для существования журнала, позволяет сказать, что метатекстовые фрагменты «Дневника» демонстрируют установку Достоевского на «интерактивность» как основополагающий принцип журнала. Об этом могут свидетельствовать постоянные упоминания о читательских письмах, выраженный интерес к «умственному теперешнему настроению» публики, указание на возможность анализа аудитории «по возрастам, по полу, по сословиям и даже по местностям России» (25, 88). Так проявляется «сверхзадача» журнала – «диагностировать» аудиторию, решать общественные вопросы в тесном взаимодействии с ней.

Кроме того, подобные фрагменты играют роль «анонсов», где заранее описываются качества предполагаемого медиа-«продукта» – следующего номера «Дневника», или «интермедий» (соединительного звена между важными материалами). Ср. с замечанием О.С. Иссерс: «Иногда не имеющий, казалось бы, отношения к теме разговор выполняет тактическую

задачу, необходимую для достижения коммуникативной цели»¹⁶.

В этом плане, «рекогносцировка» автора относительно читателя в «Дневнике», в сущности, непрерывна: «Мне о многом хотелось поговорить в этот раз в этом мартовском № моего "Дневника". И вот опять как-то так случилось, что то, об чем хотел сказать лишь несколько слов, заняло всё место. И сколько тем, на которые я уже целый год собираюсь говорить и всё не соберусь. Об ином именно надо бы много сказать, а так как весьма часто выходит, что очень многое нельзя сказать, то и не принимаешься за тему...» (25, 88).

В таких узловых точках установления контакта с читателем автор, на наш взгляд, пытается преодолеть ощущение «литературности», механистичности речи. «Скользкая» точка зрения, переход от одной темы к другой соответствует прагматической цели подобных высказываний – заручиться согласием читателя, договориться с ним о тематике будущих номеров, но сделать это ненавязчиво. Создается иллюзия дневниковой «автокоммуникации» – «необработанной», якобы спонтанно возникающей речи повествующего лица.

Во **второй главе** «*"Ниже читателя по статусу": проблема "недоверия" к аудитории в "ДП"*» мы показываем, каким образом в публицистике Достоевского моделировалась статусная позиция автора, более «низкая» по отношению к читателю. Также мы пытаемся осмыслить причины подобной речевой логики автора.

Предметом анализа служат контексты «Дневника», в которых автор, сознательно обыгрывая возможные негативные читательские реакции, использует различные литературные «маски». Среди них мы выделяем следующие устойчивые «амплуа»:

1) автор-«мечтатель» (вар.: «идеалист»);

К примеру, Достоевский писал в «Дневнике», комментируя реакцию Градовского на Пушкинскую речь: «...умные-то люди стоят на страже и

---

¹⁶ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. С. 66.

всегда вовремя обкатят холодной водой **мечтателя**» (Варианты; 26, 331). Кроме того, приведем один из откликов реального читателя-оппонента, который мог спровоцировать автора «Дневника» на использование этого клишированного образа. И.Ф. Василевский в «Биржевых ведомостях» писал, рассуждая о выпуске «Дневника» за июнь 1876 г.: «...г-н Достоевский – отвлеченный **мечтатель**..., крайне плохой, **наивный** политик» (Цит. по: Комм., 23, 381).

2) автор-«гонимый пророк»;

Повествующее лицо «Дневника» нередко позиционирует себя как непризнанного пророка, по отношению к которому аудитория настроена агрессивно: она не принимает его, насмеивается над ним и исторгает из общества. Такому отношению к автору-пророку в «Дневнике» соответствуют мотивы *кидания камней, забрасывания грязью и бранью* и т.п. Ср. с тем, что автор сообщал в «Дневнике», когда «Пушкинская речь» уже была опубликована: «Я про **будущее великое значение** в Европе народа русского (в которое **верую**) сказал было одно словцо прошлого года на пушкинских празднествах в Москве, - и меня все потом **забросали грязью и бранью, даже и из тех, которые меня обнимали тогда за слова мои**, - точно я какое мерзкое, подлейшее дело сделал, сказав тогда мое слово. **Но, может быть, не забудется это слово мое**. Об этом, впрочем, теперь довольно» (27, 36).

3) автор-«больной в бреду» (вар.: автор-«безумец»);

Автор «Дневника» нередко описывает восприятие аудиторией своего образа как «человека в бреду»: «...и меня уже два месяца назад сопричислили к этим [укушенным] **в бреду ничего не понимающим людям** за то, что я сказал, что Константинополь должен быть наш» (Варианты, 23, 287).

4) автор-«смешной человек»;

Для «Дневника» и черновиков к нему чрезвычайно характерны контексты типа: «Я знаю, конечно, **надо мной сейчас же и засмеются**» (Варианты, 27, 217); «**Вы засмеетесь** и спросите: к чему вздумалось мне

заговорить непременно об этих именах?» (21, 132) и т.п.

5) автор-«идиот» (вар.: автор-«глупец»);

Реакция оппонентов на идеи «славянофилов» в «Дневнике» показана таким образом: «...И когда они начали толковать об "народной правде", все смотрели на них как на **эпилептиков и идиотов**, имеющих в идеале - "есть редьку и писать донесения". Да, донесения!» (26, 156). Известно, что «славянофильство» – идеология, отчасти близкая Достоевскому. Автор «Дневника» подобным образом защищал и свою позицию от возможных нападков оппонентов.

Так в «Дневнике» создается речевое пространство, где «умная» мысль может соседствовать с «глупой», и автор это первым признает, предвосхищая негативную читательскую реакцию: «...я, разумеется, знаю, что **все тотчас же скажут мне**, что всё это **глупо**» (Варианты, 27, 218).

б) автор-«маленький человек»;

Приведем один из многочисленных примеров использования этой «маски». Автор «Дневника» пишет по поводу негативной реакции на текст предыдущего выпуска журнала под названием «Маленькие картинки» (1873): «Я думал, что название спасет меня: **маленькие** картинки, а не большие, с **маленьких не так спросят**» (21, 113).

Все перечисленные формы самопародии и «самоостранения» автора соотносимы с реальными читательскими откликами на «Дневник».

Также мы специально рассматриваем фрагменты текста, в которых автор «Дневника» предвосхищает «непонимание» аудитории. Ср.: «Пишу это потому что у нас всё надо **разъяснить**, многое сейчас же **искажут и выдумают такое, что и... в мысли не было сказать**» (Варианты, 26, 330).

Кроме того, в связи с коммуникативной стратегией «самоумаления» автора необходимо детально проанализировать функции мотива «осмеяния» со стороны читателя, чрезвычайно характерного для «Дневника». Смех в таких контекстах – индикатор веры/неверия читателя-оппонента тому, что говорит автор. «Серьезное» в «Дневнике» якобы нейтрализуется, представая

в форме шутки, и выбор, как к нему относиться, оказывается «свободным» (автор всего лишь учитывает различные мнения). Таким образом, однозначного читательского решения, как воспринимать речь автора («в шутку» или «всерьез»), в «Дневнике» нет и не может быть.

К примеру, в статье «Словцо о спиритизме» («Дневник», №1 за 1876 г.) автор утверждает: «Без всякого сомнения я **шутил и смеялся** с первого до последнего слова» (22, 36). Но именно так – заявлением о «шутливом» характере послания, по наблюдению Т.В. Захаровой, игровая фельетонная атмосфера статьи вдруг открывается в своей многозначности¹⁷. В «шутке» видна, по сути, скрытая демоническая угроза. Тем не менее, одна из читательниц этого номера «Дневника» восприняла некоторые его фрагменты именно как неудачную попытку автора «посмешить». См. дневниковую запись Е.С. Некрасовой: «Сейчас пересмотрела №1 "Дневника писателя" Достоевского. <...> Несмотря на все его желание **быть комичным** в некоторых местах и **посмешить публику** – ему это вовсе не удастся»¹⁸.

На наш взгляд, в «Дневнике» выявляется два типа предполагаемой смеховой реакции адресата в ответ на авторские высказывания:

(1) «добрый» смех (в этом случае реакцией реального читателя-реципиента становится сочувствие к автору или герою, который осмеивается. Комический эффект в творческом сознании Достоевского оказывается тесно связан с «болевым эффектом» воздействия на читателя (по терминологии Р.Г. Назирова). «Смешное» осознается автором журнала как провокация публики, попытка «оцарапать вам сердце» (25, 91).

(2) «злой» смех (насмешка читателей-оппонентов, в частности, «либералов», которая не предполагает симпатии к автору, и он старается нейтрализовать эту реакцию заранее).

В третьей главе «*"Наравне с читателем": формы выражения этой позиции автора в "ДП"*» предметом обсуждения служат коммуникативные

¹⁷ Захарова Т.В. «Дневник писателя» как оригинальное жанровое явление и идейно-художественная целостность // *Творчество Ф.М. Достоевского: искусство синтеза*. Екатеринбург, 1991. С. 278.

¹⁸ Из записной книжки Е.С. Некрасовой, 10 февраля 1876 г. // *Лит. наследство*. Т. 86. М., 1973. С. 444.

стратегии Достоевского, нацеленные на завоевание доверия публики.

В частности, этот эффект достигается при помощи тактик «фактичности» и «искренности».

«Факт» (многозначное понятие в лексиконе писателя) оказывался поводом для общения автора и читателя, способом инициировать процесс коммуникации. Говоря о непонятности или сложности того или иного явления, повествующее лицо привлекает к нему внимание читателя, подчеркивает его загадочность, так же, как и «равную» степень осведомленности с читателем относительно сущности рассматриваемого «факта»: **«Все спрашивали и продолжают до сих пор спрашивать: что может означать этот факт?»** («Иностранные события», 1873; 21, 226).

Вторым важным принципом разговора с читателем для Достоевского является взаимная «искренность» диалога.

Мы стремимся показать, что в случаях, когда автор «Дневника» осознанно использовал данную стратегию, он осознавал проблему «искренности» речи, нацеленной на воздействующий эффект, не только как «риторическую», «эстетическую», но и «этическую». Это составляло предмет особой творческой рефлексии автора «Дневника», определяло его пафос ответственности перед аудиторией. Ср. с размышлениями Достоевского в письме И.С.Аксакову от 28 августа 1880 г.: «...я сам нахожусь, во многом, в больших сомнениях, хотя и имел 2 года опыта в издании "Дневника". Именно в том: **как говорить, каким тоном говорить и о чем вовсе не говорить?**» (Цит. по: Комм., 27, 271).

Достоевский моделирует «Дневник» как площадку для осуществления диалога всех общественных сфер. «Искренность» важна для него как ответ на актуальный запрос общества («искренности и прямоты более всего жаждут и всего менее находят»¹⁹).

В этом плане «искренность» и «прямота» тона автора играет особую роль в целостной коммуникативной стратегии «Дневника». Автор

---

¹⁹ Цит. по: *Волгин И.* Письма читателей к Ф.М. Достоевскому. С. 174.

«Дневника» не раз призывал читателей к «прямоте»: «Повторяем: нам кажется, что теперь **надо как можно откровеннее и прямей всем высказываться, не стыдясь наивной обнаженности иной мысли**» (25, 6).

В сознание читателя имплицитно вводится мысль, что по признаку «искренности» автор журнала уподобляется тому, проводником чьих ценностей является – народу и лучшим представителям общества. В то же время, диалог в «Дневнике» выстраивается и с самым верхним звеном иерархической цепочки: «Народ чуток, народ слышал родной **призыв и откликнулся**. Народ ждет лишь **искренности сверху**, чтоб **отозваться**» (Варианты, 23, 342). Свойство «искренности», по Достоевскому, объединяет всех субъектов общественной коммуникации, представленных в «Дневнике» (активных и пассивных). В этом смысле, «искренний» автор оказывается идеальным «медиатором» между столь же «искренними» «народом», «обществом» и правительством.

Также во второй главе рассматривается ряд других конкретных проблем, связанных со статусным «равенством» автора и читателя в «Дневнике», в частности, соотношение их компетентности.

В этом плане в поле нашего исследования входят контексты, где автор в тактических целях заявляет свою некомпетентность: «Впрочем, оставим; чувствую из всех сил, что **заговорил не на свою тему**. И даже уверен, что юридической наукой все эти недоразумения давным-давно уже разрешены, к полному спокойствию всех и каждого, а **только я один из всех про это ничего не знаю**. Поговорю лучше о таланте; всё же **я тут хоть капельку да компетентнее**» (22,54).

В то же время, в полемике с идеологическими соперниками формально «некомпетентный» автор в «Дневнике» зачастую оказывается ближе к читателю-реципиенту, чем «профессионал» в своем деле. В «Дневнике» то и дело демонстрируется, что благодаря «простоте» подхода к тому или иному явлению и непредвзятому взгляду на него автор постигает его во всей глубине, в отличие от «мнимокомпетентного» оппонента – воображаемого

или реального. В этом он вновь оказывается равен читателю по статусу.

В плане соотношения компетентности автора и читателя показательно, что для Достоевского более ценен ответный отклик читателя-«непрофессионала», чем отзыв профессиональной критики: «Писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати. Право, не знаю, чем это объяснить: тут, прямо от читателя, – как бы более правды, как бы более в самом деле»²⁰.

Далее во второй главе мы анализируем субъектную перспективу текста «Дневника». Нам важно показать «систему координат», задаваемую Достоевским относительно «своего» и «чужого» круга в «Дневнике»²¹ («я», «вы», «мы» и «они»). Можно сказать, что один из основополагающих принципов диалога с читателем у Достоевского – это поиск тех тем, на которые он мог бы писать «Дневник» не от лица «я», а от лица «мы»: «... мысль, всего более меня занимающая: "в чем наша общность, где те пункты, в которых мы могли бы все, разных направлений, сойтись?"»²². Повествующее лицо нередко апеллирует к общим с читателем ценностям, объединяющим воедино разные идеологические группы читателей: «**Вот наша вера, наша общая вера, хотелось бы мне сказать**» (21, 18). Приведем пример ещё одной «примиряющей» реплики автора: «...тем-то всё это и дорого **для меня**, и для **вас**, разумеется» (25, 15).

Но в «Дневнике» необходимо отметить также и другую тенденцию – резкого «разграничения» «своего» и «чужого» круга. В подобных контекстах автор противопоставляет ту общность, к которой принадлежит автор и читатель-реципиент («я», «мы»), общности, к которой принадлежат многочисленные оппоненты автора («вы» и «они»).

Ср. в полемике с Градовским: «Да неужели же **вы** думаете, что народ

---

²⁰ Там же.

²¹ См. об этом тактическом ходе: *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. С. 46.

²² *Алчевская Х. Д.* Достоевский // *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников.* М., 1964. Т. 2. С. 282.

согласится стать такою же безличностью **как и вы** (да **не вы, не вы**, г-н профессор, **я не про одного говорю**)» (ПМ, 26, 225). Вот ещё пример: «Сейчас, разумеется, мне возразят (и **вы** и **все**), что народ наш вовсе не просвещен до такой степени христианством, что народ наш груб, невежествен... Это неправда. <...> повторяю, возражать будет слишком долго, отложим до другого раза» (Варианты, 26, 301).

В каких-то случаях противопоставление «мы» и «они» служит созданию «образа врага». К примеру, в подготовительных материалах к «Дневнику» читаем о «Европе»: «**Нам** не укрыться от **их** скрежета, и когда-нибудь **они** бросятся на **нас** и съедят **нас**» (ПМ, 27, 69).

На наш взгляд, в каком-то смысле подобное выстраивание субъектной перспективы текста в журнале Достоевского соответствует его глобальной теме – поиску русской национальной идеи. Ср. с таким высказыванием автора «Дневника»: «Нет человека готового повторять чаще русского: "какое мне дело, что про меня скажут", или: "совсем я не забочусь об общем мнении" - и нет человека, который бы более русского (опять-таки цивилизованного) более боялся, более трепетал общего мнения, того, что про него скажут или подумают» (23, 55-56).

Во второй главе рассматриваются и другие приемы воздействия на читателя, призванные создать иллюзию «доверительной беседы» с аудиторией «на равных». В частности, Достоевский в «Дневнике» не последовал распространенному фельетонному принципу псевдонимов и криптонимов. Наоборот, он выступал в журнале под своим собственным именем, «с открытым забралом». Это сразу задавало более личностный ракурс восприятия образа автора. Также для Достоевского было важно, чтобы этот принцип этикета в общении с аудиторией был взаимным. В том случае, если к нему обращались читатели, для него обязательной была ответная не-анонимность: «...можно не согласиться в чем-нибудь, можно по этому поводу написать весьма резкое письмо, но тут-то бы и **подписаться**» (25, 367).

В связи с «личностным» контактом автора и читателя в «Дневнике», их статусным «равенством» неизбежен разговор о проблеме жанра «Дневника» и конфликта принципа «коммуникации» и «автокоммуникации»²³.

По словам Волгина, в дискурсе автора «Дневника» «общее принципиально не отделяется... от частного, "дальнее" от "ближнего"»²⁴. В этом плане особенно показательной нам кажется авторская установка на «устно-разговорную форму речи», которая интимизирует общение с читателем.

О. Евдокимова выделяет в дискурсе «Дневника» «"слово"-сказ»²⁵, называя его одним из типов структурных устремлений автора. Под «сказом» в данном случае понимается промежуточное явление, имитирующее живую устную речь. По наблюдению Евдокимовой, при помощи такой поэтики в «Дневнике» «рождается "видимость" устного спонтанного разговора автора и читателя»²⁶.

По нашему наблюдению, специфическая ориентированность письменной речи «Дневника» на «устность» отчасти следует уже из формы, в которой изначально создавался текст. По воспоминаниям В.В. Тимофеевой, работая над «Дневниками», Достоевский «...предварительно рассказывал мне их содержание, как бы проверяя на мне будущие впечатления "в публике"»²⁷. В отдельных случаях речь автора записывалась как стенограмма.

Ещё одной речевой стратегией, направленной на создание иллюзии «доверительного разговора» в «Дневнике», является принцип «общей памяти». В этих случаях автор апеллирует к тем или иным ассоциациям, воспоминаниям, общим для всего круга участников полилога. Так

---

23 См.: Лотман Ю.М. «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 163-177.

24 Волгин И. Достоевский-журналист. М., 1982. С. 28.

25 Евдокимова О.В. Проблема достоверности в русской литературе последней трети XIX в. и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. Вып. 8. Л., 1988. С. 179.

26 Там же.

27 Тимофеева В.В. (О. Починковская). Год работы с знаменитым писателем // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 145.

реализуется принцип, о котором, в частности, писал Ю.М. Лотман: «С одной стороны, **автор по произволу меняет объем читательской памяти** и может заставить аудиторию *вспомнить то, что ей не было известно*. С другой, **читатель не может забыть реального содержания своей памяти**. Таким образом, одновременно текст формирует свою аудиторию, а аудитория – свой текст»²⁸.

«Дневник» – «продолжающаяся» форма, которая существовала и эволюционировала во времени – с учетом того, что говорилось в предыдущих выпусках, и того, какова была реакция читателей на написанное (журнал, в каком-то смысле, читался «одновременно» с его созданием). Так автор формировал для аудитории своего рода «общий идиолект». К примеру, в «Дневнике» за июль-август 1877 г. вне контекста, «вдруг» цитируется фрагмент пророчества И. Лихтенбергера: «Великий восточный орел взлетел над миром, сверкая двумя крылами на вершинах христианства» (25, 196). «Толкование» этого пророчества Достоевский давал в предыдущем выпуске.

Апелляция к специфическим связям и ассоциациям заметна в прямых отсылках к тому, о чем шла речь в предыдущих номерах «Дневника» или тому, что, по версии автора, уже известно публике: «**Может быть, большинство моих читателей очень помнит об этом деле**» (25, 119). «**Не буду припоминать мою октябрьскую статью в подробности, – может быть, читатели её не забыли**» (24, 36); «...кстати, **помните ли вы процесс Джунковского?**» (25, 181) и т.п.

Важнейший принцип публицистики Достоевского в общении с читателем, который также рассматривается в третьей главе – «занимательность»²⁹. Многие примеры свидетельствуют о важности этого свойства авторского нарратива для Достоевского. См., в частности, его письмо Вс. С. Соловьеву от 28 декабря 1875 г., в котором писатель

---

²⁸ Лотман Ю.М. Текст в процессе движения: автор – аудитория, замысел – текст // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 207.

²⁹ Установка на «занимательность» в журнале Достоевского неоднократно замечалась многими исследователями. См., напр.: Щурова В.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: типология, жанр, антропология. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. С. 13-14.

положительно отзывался о статьях последнего: «Очень **занимательно и понятно**, - что для теперешних читателей **самое важное**» (24, 418).

В рамках рассмотрения стратегии «занимательности» важны, с одной стороны, примеры, в которых автор готов «согласиться» с ролью «развлекателя» публики (напр.: «Впрочем, **на эту тему говорить скучно**, и я расскажу что-нибудь **помельче и посмешнее**», 23, 323), а с другой стороны, те случаи, где он считал эту позицию для себя неприемлемой. В черновиках к «Дневнику» есть контексты, где автор отбрасывает маску «развлекателя»: «Ах, если б им **анекдотик**» (ПМ, 27, 197), – пишет он, по всей видимости, саркастически моделируя восприятие «вульгарного» читателя.

Ещё в относительно раннем тексте «Ряд статей о русской литературе. Введение» (1861), Достоевский сетовал на необходимость «подсластить истину, как будто горькую пилюлю», с которой сталкивается современный литератор, вынужденный прибегать для этого к юмору и иронии. Но, так или иначе, установка на «анекдот», занимательный «случай» в «Дневнике» то и дело эксплицируется.

Отдельный раздел третьей главы посвящен тому, как Достоевский пытался решить проблему целевой аудитории журнала в идеологическом плане, апеллируя одновременно к читателям различных идеологических групп. Полифонический принцип, о котором М.М. Бахтин говорил применительно к художественным текстам Достоевского (практически полностью отрицая его в публицистике писателя), в действительности создавал в «Дневнике» особый эффект журнального разнообразия взглядов. Читатель мог идентифицироваться с одной из предложенных позиций, или, наоборот, отвергнуть её. Мы полагаем, что особенно важным для Достоевского в 70-е гг. было создание эффекта идеологической «неангажированности», моделирование сложной общественной репутации автора, намеренный уход от клишированного восприятия его позиции как «ретрограда» и «консерватора». В том числе, поэтому период редакторства Достоевского в «Гражданине», издателем которого был князь В.П.

Мещерский (личность ультраконсервативных взглядов), оказался для Достоевского очень сложным. По наблюдению В.А. Викторovichа, «безответственность и легкомыслие князя-издателя, с одной стороны, и **раздражительное беспокойство Достоевского за свою репутацию** – вот те условия, которые, при "каторжной" редакторской работе... сделали лето 1873 г. для Достоевского "несносным"»³⁰.

Возможно, именно в связи с боязнью «доктринерства» в «Дневнике» образ автора как «учителя» и «пророка», конструируясь, одновременно почти всегда «деконструируется».

Наконец, в разделе «"ДП" как модель альтернативного суда: читательская аудитория как "суд присяжных"» основным материалом для анализа становятся некоторые судебные очерки Достоевского. Мы полагаем, что писателю удалось выстроить особую коммуникативную ситуацию, где позиция читательской аудитории становится тождественной позиции «суда присяжных» в общественном суде изучаемой эпохи.

Принцип «публики как третьей стороны» проявляется в «Дневнике» разнообразно. Например, говоря о деле Джунковских, автор характерным образом начинает свое «обвинение» (в этом конкретном случае выступая в позиции «прокурора»): «...Но **пусть читатели судят сами**» (25, 181). В рукописях мы видим подобный же принцип апелляции к читателю: «Ну не нелепость ли это? **Взываю к публике**» (ПМ, 24, 202). Не раз, моделируя свой ответ читателю-оппоненту в рукописях судебных очерков, автор заранее оговаривается, что не собирается его переубеждать. Цель автора – повлиять на мнение аудитории: «...И по тону статьи, что я повлиять на него не могу, **но читатель**» (ПМ, 26, 189).

Функциональная замена «адвоката» на «писателя» также не раз производится в «Дневнике»³¹. Но главное, что оправдательный вердикт, вынесенный Достоевским-публицистом совместно с читателями в рамках

---

³⁰ Викторovich В.А. К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. // *Достоевский: материалы и исследования*. Вып. 7. СПб., 1987. С. 200.

³¹ См. об этом, напр.: *Виноградов В.В.* Проблема риторических форм в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // *Виноградов В.В.* Избр. труды: О языке художественной прозы. М., 1980.

«альтернативного суда», мог стать причиной пересмотра того или иного дела в рамках суда реального.

Так произошло, например, в случае с нашумевшим «делом Корниловой». В статье «Простое, но мудреное дело» («Дневник» за октябрь 1876 г.), посвященной ходу судебного процесса, Достоевский заявил, что считает необходимым оправдать подсудимую – молодую женщину, выбросившую из окна свою приемную дочь (та, по счастливой случайности, осталась жива). Судебный чиновник К. И. Маслянников откликнулся на эту статью Достоевского, сообщив писателю, что вместе они могут способствовать оправдательному приговору. Как пишет И. Волгин, их совместное участие «повлияло на ход судебного разбирательства и привело к освобождению подсудимой». По утверждению исследователя, выступление Достоевского по «делу Корниловой» явилось «первым легальным случаем публичной защиты русским писателем объекта правосудия»³².

Таким образом «Дневник» становился не только «второй реальностью», но и влиял на «первую», что в журнале автор специально подчеркивал: «Председатель суда, а потом и прокурор, в самой зале суда, объявили публично, что первый обвиняющий Корнилову **приговор был отменен, именно вследствие пущенной мною в "Дневнике" мысли, что "не влияло ли на поступок преступницы ее беременное состояние"?** <...> Впрочем, **это всё уже известно читателям.** Известно, может быть, тоже, что после самого строгого следствия и самых упорных и настоятельных доводов прокурора присяжные все-таки оправдали Корнилову, пробыв в зале совещания не более десяти минут, и **публика разошлась, горячо сочувствуя оправданию**» (26, 92).

В подобных контекстах видно, что автору «Дневника» важны, к примеру, не столько «эстетические» достоинства судебного очерка, сколько «эффект» представленных в нем коммуникативных стратегий, реальное воздействие на общественное мнение (трансформация «слова» в «дело»). Ср.

---

³² Волгин И. Письма читателей к Ф.М. Достоевскому. С. 177.

в подготовительных материалах к тому же очерку: «А я сказал, и статья моя имела **впечатление**, и я этим горжусь, и **не как статьей**» (ПМ, 26, 191).

В **четвертой главе** «"Выше читателя по статусу": автор "ДП" как "учитель" и "пророк"» в центре нашего внимания находятся контексты «Дневника», где позиция по отношению к читателю моделируется как более высокая.

Если в первой главе, размышляя о самопародийных «масках» Достоевского, мы рассматривали, в основном, негативные сценарии восприятия речи автора «Дневника», то здесь мы исходим из многочисленных признаний современников в том, что писатель осознавался ими как «учитель», обладающий особым авторитетом, способностью говорить о самых спорных нравственных вопросах. Ср. известное мнение сотрудника писателя, М.А. Александрова о восприятии автора «Дневника» читательской публикой: «...на него смотрели одни как на **духовного наставника**, другие как на **оракула** и просили его разрешать их **сомнения** насчет некоторых жгучих **вопросов** времени»³³. Почти в тех же выражениях о «высоком» статусе автора «Дневника» в восприятии аудитории пишет Е.А. Штакеншнейдер: «Чем больше я думаю о Достоевском, тем больше убеждаюсь, что значение его среди современников вовсе не в литературном его таланте, а в **учительстве**»³⁴.

Мы постарались исследовать в возможно более полном объеме массив суждений о духовном «облике» Достоевского 70-х гг., сделанных его читательской аудиторией, и выявить инвариантные черты этого образа. По нашему мнению, такими чертами являются:

1) уникальный жизненный опыт Достоевского, «выстраданность» его таланта, а значит, способность откликнуться на страдание читателя;

См., напр., письмо В.Н. Андреева от 14 апреля 1877 г.: «Кто сам страдал,

---

³³ Александров М.А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 240.

³⁴ Штакеншнейдер Е.А. Из «Дневника» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 315.

тот знает **страдание**, и потому я твердо уверен, что Вы не ответите категорическим отказом на мою покорнейшую просьбу»³⁵. См. также письмо читателя Г. Глинского от 13 ноября 1876 г.: «Много Вы сами в жизни **испытали** – а потому можете **понять и горе другого**, хотя бы Вам вовсе незнакомого человека»³⁶.

2) глубокое знание человеческой психологии, в т.ч. и читателя, а также особенное знание русского народа.

Многие читатели воспринимали Достоевского как знатока человеческой души («психолога», «психиатра»). К примеру, М.А., служащий суда, писал Достоевскому, что взгляд писателя отличает «знатока психологической стороны человеческой», что и вызвало особое «сочувствие» публики, читавшей «Дневник». В то же время, сам Достоевский говорил о письмах, вызванных изданием журнала, вновь актуализируя черты образа писателя-«психолога»: «Да разве я буду на них отвечать! Разве есть возможность отвечать на них! Вот, например: "**Выясните мне, что со мной? Вы можете и должны это сделать: вы психиатр, и вы гуманны...**" Как тут отвечать письмом, да еще незнакомой? Тут надо не письмом писать, а целую статью. Я и напечатал просто, что не в силах писать столько писем»³⁷.

Кроме того, для отзывов читателей о Достоевском периода издания «Дневника» характерен повторяющийся образ его автора – «знатока народа». См., например, письмо И.П. Павлова С.В. Карчевской (сентябрь 1880 г.), в высказывании которого совмещаются сразу несколько распространенных «топосов» восприятия духовного облика писателя: «...**Человек с душой, которой дано вмещать души других <...> не барин** и не теоретик, а действительно на равной ноге в тюрьме, как преступник, стоял **с народом. Его слово, его ощущения – факт**» (Цит. по: Комм., 26, 478). Ср. это читательское мнение, например, с высказыванием самого автора «Дневника» в статье «Старые воспоминания» (1877): «...ужасно на многое намекающий

³⁵ Волгин И. Письма читателей к Ф.М. Достоевскому. С. 187.

³⁶ Вассена Р. «Вы не можете не сочувствовать нам, бедным студентам...» (Письма студентов к Достоевскому). С. 334.

³⁷ Штакенинейдер Е.А. Из «Дневника». С. 74.

факт, а для меня почти совсем даже и неожиданный; **а я видывал-таки довольно народу, да еще самого характерного**» (21, 35).

Аудитория выстраивала свой «горизонт ожидания» (по терминологии Х.Р. Яусса) относительно дискурса автора, в то время, как последний своими средствами настраивал её на рецепцию «Дневника» в нужном «русле».

Во втором разделе четвертой главы эта особенность журнала Достоевского рассматривается с позиций второго участника коммуникации – самого автора, в контекстах, где повествующее лицо вступает в сферу «персуазивного дискурса» (по терминологии Р. Лакоффа), желая напрямую уверить читателя в своей правоте и авторитетности.

Следуя этой цели, автор «Дневника» применяет стратегию «голословных утверждений» (как их называет он сам), а также «пророчеств»³⁸: «Иные читатели не **поверят**. Да где же это вы слышали, **скажут мне**. Да вникните в смысл событий, в смысл всего, что затевают наши передовые, интеллигентные умы в Петербурге, что говорят и пишут они, – и **вы увидите, что это так**» (Варианты, 27, 220). Вот ещё характерный пример: «Я очень рад, что написал это. Может быть, очень близкие потомки доживут до этого и **вспомнят**» (ПМ, 24, 214).

Так реализуется «морально-этическая функция контакта», по терминологии Н.Н. Кохтева, смысл которой заключается в том, чтобы расположить аудиторию к себе, заставить её «поверить»³⁹ оратору.

Характерно, что автор предсказывает не только грядущие события, стремясь убедить читателя в правоте своих прогнозов, но и реакцию читателя-оппонента: «Этот монолог **непременно скажется...**» (22, 23) и т.п. Речевое поведение автора «Дневника» такого типа можно сравнить с тем, что демонстрируют герои, участвующие в «исповедальных ситуациях» романов Достоевского: они заранее знают, что скажет их собеседник⁴⁰. Так

38 Подробнее о «профетической» позиции Достоевского см., например: *Cadot M. Le Discours sur le futur dans le "Journal d'un Ecrivain" (1881): (Remarques sur le prophétisme de Dostojevski) // Dostoevsky Studies. Vol. 7, 1986. [Интернет-ресурс]: <http://www.utoronto.ca/tsq/DS/07/019.shtml>*

39 *Кохтев Н.Н.* Ораторская речь: композиционно-стилистическая структура. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993. С. 316.

40 См.: *Криницын А.Б.* Исповедь подпольного человека: (К антропологии Ф.М. Достоевского). М.,

актуализация «фактора будущего» в «Дневнике»⁴¹ соединяется с другой, не менее тотальной тактикой прокаталепсиса (фигура речи, означающая, во-первых, опровержение ожидаемых возражений или объяснение ожидаемых сомнений и, во-вторых, предсказывание таких вещей, которые при определенных обстоятельствах обязательно наступят). Все это в комплексе и призвано сформировать читательское восприятие автора «Дневника» как «пророка». В сознание реципиента инкорпорируется мысль о том, что пророчества автора сбываются и ему нужно верить, поскольку он с одинаковым успехом предсказывает и мысли читателя, и события общеевропейского масштаба.

В *Заключении* подводятся итоги работы, суммируются полученные главные и частные результаты.

Основным результатом проведенной работы является доказательство тезиса о том, что в публицистике Достоевского проявляется целостная коммуникативная стратегия «диалога» с читателем. Сам автор безусловно считал свою задачу в «Дневнике» выполненной: «...и не ожидал, начиная прошлого года "Дневник", что буду встречен читателями с таким сочувствием. Сочувствие это продолжалось всё время, до последнего дня <...> > Авьось ни я, ни читатели не забудем друг друга до времени» (26, 34).

Мы показали на конкретных примерах взаимовлияние автора и читателя, переход «текста в контекст» – систему приемов, благодаря которой стали возможны, в частности, такие отклики на «Дневник» (1878): «Таких хороших и таких близких отношений между писателем и обществом до сих пор ещё не было <...> "Дневник писателя" сделал первый удачный опыт в этом отношении, и в этом его огромная заслуга» («Донская пчела», 1878) (Цит. по: Комм., 25, 349).

В нашей концепции «Дневник» – своеобразная публицистическая форма, в которой читатель мог выступать *героем-идеологом* (его речь

2001.

41 «Прогнозирование возможных реакций собеседника является неперенным условием построения высказывания» (Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. С. 76).

обильно цитировалась в «Дневнике») и одновременно *соавтором* писателя. В этом смысле Достоевский говорил только отчасти метафорически: «Я... прямо считаю многочисленных корреспондентов моих **моими сотрудниками**. Мне много помогли их сообщения, замечания, советы и та искренность, с которою все обращались ко мне» (26, 126).

Осуществленное нами исследование позволяет по-новому поставить вопрос о соотношении «монологизма» и «диалогизма» в «Дневнике».

Как известно, один из самых дискуссионных вопросов в достоевистике состоит в том, какова иерархия идеологических позиций *автора* и *героя* в «полифоническом романе». В том числе, этот вопрос неоднократно поднимался и применительно к «Дневнику» (как специфическому «художественно-публицистическому» целому).

Насколько нам известно, в этой полемике до сих пор не учитывался рецептивный аспект «Дневника»: кому из субъектов диалога здесь принадлежит право «решающего слова» – *автору* или *читателю*? Если читатель становится в «Дневнике» полноправным «героем» и «соавтором», в какой мере он идеологически равен автору?

Как мы стремимся показать, для «Дневника» в разных контекстах характерна различная степень «монологизма»/«диалогизма» автора в его взаимодействии с читателем. Стратегия Достоевского – это виртуозная игра на парадоксах читательского восприятия, постоянной смене статусов автора и адресата, перманентной взаимной рекогносцировке.

Сами речевые стратегии Достоевского предполагают, с одной стороны, *нравоучение* (т.е. попытку дать «ответы»), с другой стороны – демократизм «разговора», готовность «спорить со всеми и обо всем» (27, 151), а также многозначность послания. Сложная последовательность взаимных «действий» автора и аудитории образует захватывающий «сюжет» «Дневника» – именно потому, что эти «взаимоотношения» намеренно сложны и неоднозначны. Как мы попытались продемонстрировать, именно в этом и состоит главный успех коммуникативной стратегии Достоевского: его

интересно читать.

Публикации по теме диссертации:

1. «Пусть не смеются над мной заранее...»: автор как «смешной человек» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2009. – №5. (0,3 п.л.).

2. Рецептивный аспект изучения творчества Ф.М. Достоевского: (К проблеме «экономических» отношений автора и читателя) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». – 2009. – №4. (0,5 п.л.).

3. Речевые стратегии «фактичности» и «искренности» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского как способы диалога с аудиторией/ Ермошин Ф.А.; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2009. Деп. в ИНИОН РАН 11.11.2009 № 60799. (1,2 п.л.).